

Двое мужчин стояли на ступенях до тех пор, пока изящный силуэт госпожи Яое не скрылся из виду, тогда их тела одновременно расслабились. На самом деле, стоя сейчас поодаль, князь и император Силэй помимо своей воли потянулись друг к другу, однако, посмотрев друг на друга и внезапно вспомнив про «кровь возлюбленных», что Фэн Мин, что Жун Тянь вздрогнули и тотчас же отступили на расстояние чжана.

— Что теперь делать? — всплеснул руками князь, глядя на Жун Тяня.

Мужчина, изучающе посмотрев на своего феникса, лишь развёл руками:

— Я понаблюдал за ней, похоже, у неё нет дурных намерений по отношению к тебе, она лишь просто включила тебя в свой план.

На что князь нерешительно спросил:

— Мне действительно придётся делать то, что она хочет?

Жун Ху не надо было приказывать, он уже давно отправился распускать охрану, у которой спина болела от лежания, когда она пряталась в густых зарослях травы. Стоящий в стороне Ле-эр, услышав, с каким тоном ведётся дискуссия между господами, набрался храбрости [1] и вставил слово:

— Что госпожа Яое хочет, чтобы князь Мин сделал?

— Она хочет, чтобы я целыми днями шатался возле учителя Сяо. — И хоть сейчас, пока Жун Тянь отравлен, их сексуальная жизнь была отложена на какое-то время, но, вспоминая методы госпожи Яое, которая не побрезгует ничем, Фэн Мин всё же, не сдержавшись, высунул язык: — Пойти и подпортить искусство меча Сяо Цзуна.

— А? — незнавший сути дела Ле-эр совершенно не догадывался о причине, и всё, что ни прозвучало сейчас, для телохранителя было неясным и обескураживающим.

В этот же момент к ним подошла Цю Лань. Увидев Жун Тяня, девушка рухнула на колени и доложила:

— Госпожа Мэй Цзи просит государя прийти, чтобы обсудить какое-то дело.

На что мужчина кивнул, отвечая:

— Хорошо, я сейчас же отправлюсь к ней. — Обернувшись к Фэн Мину, спросил: — Ты идёшь?
— Сейчас Мэй Цзи заботилась о взятых под стражу Бо Лине и третьей принцессе Фаньцзя, которые чуть не убили князя в комнате первой красавицы Поднебесной, поэтому молодой

мужчина не хотел, чтобы любимый феникс соглашался идти туда.

Подумав, князь с безразличием ответил:

— Пойду вместе с тобой. Не отравят же они меня в этот раз?

Тогда Жун Тянь и князь, взяв с собой нескольких охранников, направились в сторону дворика Мэй Цзи, как раз в это время Жун Ху уже управился с делами и вместе с Цю Лань и Ле-эром последовал за господами.

Пока они шли на встречу с Мэй Цзи, Фэн Мин, больше всего боясь нечаянно и подсознательно оказаться рядом с Жун Тянем, постоянно напоминал себе держать дистанцию. От подобных чувств становилось невыносимо больно, к тому же молчание, нависшее над ними, приносило ещё больше боли.

Отделённый тремя слугами от возлюбленного, Фэн Мин шёл за ним и, ища что сказать, прервал тишину:

— Ты решил, как поступить с третьей принцессой и Бо Лином?

Император Силэй обернулся и, посмотрев на идущего сзади Фэн Мина, догадался:

— Твоё сердце вновь смягчилось, хочешь от их имени просить снисхождения?

— Мэй Цзи уже просила от их имени и лишилась места в твоём сердце. — И князь, размышляя, продолжил: — Разве госпожа Яое не сказала, что дни Лун Тяня сочтены? Подумав об этом и третьей принцессе, я считаю... что ты должен что-нибудь придумать.

Его размышления звучали довольно интересно, заставляя уголки губ Жун Тяня приподняться, растягивая рот в тёплой улыбке, а самого императора — спросить:

— Я должен что-нибудь придумать?

Фэн Мин, приняв слова всерьёз, в задумчивости опустил голову:

— Если Лун Тянь умрёт, то третья принцесса, вполне вероятно, может стать императрицей Фаньцзя. По соседству с Фаньцзя находится Ли, если Фаньцзя сможет стать союзником Силэй...

На макушку что-то надавило, словно кто-то гладил по голове, Фэн Мин чуть не подпрыгнул и, страшно перепугавшись [2], воскликнул, подняв голову:

— Жун Тянь! Ты забыл про яд?

Молодой и красивый мужчина, глядя сверху вниз, лукаво проговорил со смехом:

— Глупыш, я лишь веточкой тебя потрогал, не более. Ты больше проникаешь в суть дел правления, этот император очень рад. Сегодня вечером, когда вернёмся, вознагражу тебя. — И, одарив юношу крайне загадочным взглядом, Жун Тянь продолжил путь.

Получив двусмысленный взгляд, Фэн Мин не сдержался и замечтался: «Сегодня вечером, когда вернёмся, вознагражу». Эта фраза, похоже, для всегда развратного извращенца имела лишь один определённый смысл.

Вот только сейчас внутри императора Силэй тёк яд, и двум влюбленным сердцам нельзя было сблизиться телом, так как можно было по-настоящему [3] «вознаградить»?

Немного поразмыслив, князь уже наполовину залился румянцем. Внезапно остановившись, Фэн Мин вспомнил прозвучавшие ранее слова Жун Тяня: «Хорошо подумал».

— О, Небеса...

Не может быть, чтобы он действительно создал первый в мире презерватив?

Подумав об этом, князь тотчас же покраснел до кончиков ушей.

— Чего медлишь? Поторопись, — донёсся впереди голос Жун Тяня.

Как раз представляя всякие пошлые образы, Фэн Мин с нечистой совестью, которая не давала покоя [4], поднял голову и обнаружил, что уже находится перед двориком красавицы Мэй Цзи.

Во дворике было очень тихо, однако в воздухе всё же смутно проскальзывал тонкий загадочный аромат. В прошлый раз князь приходил сюда ночью, на сей раз при свете дня он вновь осмотрел это место, ещё больше ощущая своеобразную беззаботность и праздность, исходящие от навеса и стен, которые пестрили яркими узорами и подчёркивали натуру Мэй Цзи.

Шагнув в ворота дворика и немного пройдя вглубь, они оказались в покоях первой красавицы Поднебесной.

Как гласила идиома «перевернутая телега впереди — предостережение для следующей телеги» [5], собственно, сейчас, усвоив урок из случившегося, Жун Ху не смел даже на полшага покидать князя, следуя за ним словно вторая тень. Цю Лань и Ле-эр, конечно же, тоже не могли остаться за дверью и вместе с охраной, которая увидела их намерения, прошли внутрь.

Сейчас, должно быть, в опочивальню к Мэй Цзи впервые за всё время без лишних слов ввалилась куча посторонних мужчин.

Солнце близилось к горизонту, когда Его Величество повернул к комнатке и вошёл; Мэй Цзи, третья принцесса и Бо Лин сидели за одним столом, на котором находились палочки для еды и чашечки, наполненные капустным супом, по-видимому, они только что закончили обедать. Вот только у Мэй Цзи, похоже, не было аппетита, так как еда перед ней так и осталась нетронутой.

Женщина сидела, сложив ноги наискосок, а верхней частью тела, слегка искривившись, облокотилась на подушку-валик. Вдруг услышав шаги, Мэй Цзи тотчас же увидела на пороге величественную фигуру Жун Тяня, и, внезапно ойкнув, красавица Поднебесной медленно выпрямилась:

— Государь пришёл. — Прекрасные и очаровательные глаза Мэй Цзи, что формой напоминали феникса, были немного красными, явно женщине так и не удалось поспать ночью.

Фэн Мин заметил, что вчера на банкете Мэй Цзи увлечённо делилась историями, а сейчас она была полна скорби, понимая, что всё из-за Жун Тяня. Князь почувствовал муки совести.

— Слышал, Вы искали меня? — Мужчина взял подушку-валик и удобно сел, поджав под себя ноги.

Держась от императора Силэй на расстоянии трёх-четырёх шагов, Фэн Мин последовал его примеру, однако, почувствовав нечто странное, князь поднял взгляд на третью принцессу, которая, оказывается, смотрела на него сквозь слёзы.

Она сидела плечом к плечу с Бо Лином, и, заметив, что Фэн Мин смотрит на неё, Фань Чжи обнажила лёгкий оттенок стыда, губы дрогнули, однако женщина так и не посмела открыть рта.

Жун Ху с Ле-эром также окружили государя и князя Мина: один с востока, а другой — с запада и, зная своё место, тоже сели.

Мэй Цзи проявила озабоченность:

— Я слышала, что сюда приезжала госпожа Яое, государь виделся с ней?

— Виделся. — Так или иначе, не было смысла скрывать это, поэтому, увидев её чрезмерное беспокойство, Жун Тянь не торопясь всё рассказал о визите госпожи Яое.

Когда император упомянул, что госпожа Яое неожиданно преподнесла ему в подарок серебряную чашечку Лун Тяня, третья принцесса, не сдержавшись, слегка ахнула и, наклонив голову, удивительно и радостно посмотрела на Бо Лина.

Если госпожа Яое всё же отравила Лун Тяня, тогда их дело касается Фаньцзя скоро с успехом закончится.

И, конечно же, предпосылка заключалась в том, чтобы вернуться в Фаньцзя живыми и невредимыми.

Именно из-за них Жун Тянь отравился «кровью возлюбленных», и если он не достанет противоядие, то, кто знает, может, убьёт их, срывая злость.

Сейчас их жизни сохраняла лишь любящая свою родину Мэй Цзи, и только.

Сама же красавица Поднебесной с неподдельной серьёзностью слушала Жун Тяня, а то, что не понимала, переспрашивала, нахмурившись:

— Характер этой госпожи действительно крайне странен. Чем такой человек умнее, тем сложнее его понять. Государю нужно с осторожностью подходить к ней, только так. Неизвестно, что подразумевается под упомянутым ею третьим шагом?

Жун Тянь слегка улыбнулся.

На что Мэй Цзи с удивлением спросила:

— Неужели государь уже догадался?

Жун Тянь, немного подумав, покачал головой:

— Этот император немного догадывается, когда всё станет ясно, вновь приду и всё расскажу Вам.

Мэй Цзи перевела взгляд на Фэн Мина:

— Скажите, князь Мин собирается сотрудничать с госпожой Яое, чтобы достать противоядие? Однако учителя Сяо нельзя назвать добросердечным, он придаёт большое значение своему искусству меча, и если князь Мин своими поступками повлияет на его тренировки, то непременно Вам нужно быть осторожнее, ведь учитель может проявить бесчувственность.

Князь ещё по дороге к опочивальне Мэй Цзи обдумывал этот вопрос и, закусив нижнюю губу, пожал плечами:

— Таково условие госпожи Яое, и именно по этой причине моя мать захотела сначала отравить меня. Если бы не противоядие, я бы не стал ни с того ни с сего портить тренировки учителя

Сяо. — И князь бросил взгляд на Жун Тяня.

Госпожа Яое одной целью — «обязательно вновь выйти замуж» — резко связала будущее, как своё со старым возлюбленным, так и их с Жун Тянем.

Это именно то, что имеют в виду, говоря «два кузнечика на одной верёвке». Заставляя его, князя, и Жун Тяня вертеться, словно волчок, выискивая способ помочь госпоже Яое «поймать» мужа, чтобы сама женщина скрытно лишь поманила мизинчиком, и хватит.

Третья принцесса подняла лицо, демонстрируя застенчивость, что сейчас была во взгляде и которую как раз заметил Жун Тянь.

Император Силэй спросил:

— Третьей принцессе есть что сказать?

Его дружелюбие сильно удивило как третью принцессу, так и Бо Лина, однако Фэн Мин понимал, что, по-видимому, император Силэй собирается переманить женщину, чтобы последняя поклялась в вечной дружбе.

Верно, один друг лучше, чем один враг.

Услышав от Жун Тяня, что Лун Тянь отравлен, Бо Лин почувствовал, как в душе всё перевернулось, и тотчас же всё понял.

Терзаемая муками совести третья принцесса вспомнила, что лично привезла отравленный короб, и, охваченная небольшой тревогой, прошептала:

— Я лишь удивлена, раз уж князь Мин является сыном госпожи Яое и наставника Сяо, то каким образом оказался он во дворце Силэй? Неужели после того, как наставник Сяо отверг госпожу Яое, она в порыве гнева взяла и бросила своего собственного ребёнка, а проходящий мимо старый князь Жун подобрал и привёз в императорскую резиденцию?

Фэн Мин застыл, как истукан.

Ведь сегодня, когда он лично встречался с госпожой Яое, князь так сильно разнервничался, да ещё всё время думал о противоядии, и хоть он не хотел спрашивать об этом деле, в душе подумал: «Матушка из-за того, что мой отец отверг её, со злости выбросила родного сына... Хм, по характеру госпожа Яое очень странная и, возможно, может так поступить».

Мэй Цзи, медленно кивнув, проговорила:

— Я не верю в столь удачное совпадение. Выброшенный ребёнок как раз был подобран старым князем Жуном, а любимый «сын» старого князя Жуна к тому же стал любимым учеником наставника Сяо. По-моему, возможно, увидев, что наставник Сяо получил превосходного ученика, который по характеру напоминал государя, натолкнул госпожу Яое на мысль оставить своего сына у резиденции князя Жуна.

Несчастный маленький ребёнок ещё несмышлёный и лишь из-за того, что родился без выдающегося дара владения мечом, удостоился презрения со стороны отца и немедленного отказа со стороны матери.

Они совершенно не знали, что Фэн Мин на самом деле не тот, выросший в стенах императорского дворца Силэй, лже-наследный принц Ань Хэ и не являлся сыном старому князю Жуну, и уж тем более не сын госпожи Яое и учителя Сяо.

Князь заметил, что Мэй Цзи и третья принцесса смотрят на него с некой жалостью в глазах; понимая, что по ошибке стал объектом сочувствия, Фэн Мин, не сдержавшись, выкрикнул в душе и спешно перевёл разговор:

— Об этом я расспрошу госпожу Яое при следующей встрече. По-моему, сейчас слишком рано, лучше позвольте мне сначала навестить учителя Сяо.

На что Жун Ху отозвался:

— Позвольте, я составлю компанию князю Мину. — И поднялся.

Когда несколько охранников, сопровождая князя к покоям Сяо Цзуна, вышли, в комнате внезапно людей стало меньше половины и казалось не так тесно.

Служанки, что были снаружи, подали свежие фрукты и ягоды, девушки порхали по комнате, не смея издать и звука.

Жун Тянь по-прежнему казался спокойным и невозмутимо сидел за столом.

Мэй Цзи с собственного столика взяла, как ей казалось, самый красивый фрукт, лично протёрла душистым полотенцем несколько раз и вручила Жун Тяню.

На что молодой мужчина благодарно улыбнулся и, приняв фрукт, откусил кусочек.

Мэй Цзи очень беспокоилась из-за того, что отравленный император Силэй станет отдаляться день ото дня, но, заметив его ласковое отношение, в душе обрадовалась, а её глаза слегка потеплели.

Среди них всех, если речь шла о политике, кроме Жун Тяня, очень хорошо знал эту тему Бо Лин. Проводив Фэн Мина взглядом и заметив, что император Силэй остался, четвёртый принц уже понял, какая намечается беседа, и, воспользовавшись тем, что Мэй Цзи подаёт фрукт Жун Тяню, Бо Лин и третья принцесса несколько раз переглянулись и незаметно перебросились парой тихих фраз.

— Если госпожа Яое не солгала и Лун Тянь отравлен ядом маньшэ, в таком случае в ближайшем будущем в Фаньцзя состоится большой траур. — Бо Лин нарушил молчание и обратился к Жун Тяню за советом: — Тогда неизвестно, какие действия предпримет Силэй? — Это дело было крайне значительным, так как касалось непосредственно Фаньцзя.

Как только молодой мужчина открыл рот, третья принцесса и Мэй Цзи проявили огромное внимание.

Жун Тянь, разжевав, проглотил ароматную и сладкую мякоть плода и лишь тогда, слегка улыбаясь, посмотрел на Бо Лина:

— А что думает четвёртый принц?

Бо Лин понимал: сейчас, когда настал решающий момент, можно ли убедить Жун Тяня решить их с Фань Чжи дальнейшую судьбу? И, несколько раз перекрутив мысли, только тогда проговорил, подбирая каждое слово и каждую фразу:

— Молодой император Силэй мудр и мечтает объединить всю Поднебесную. Однако сейчас во всех странах идут межгосударственные распри, даже не считая восточного пролива Даньлинь, все одиннадцать государств тайно сражаются между собой. Как император Силэй исполнит с успехом свои замыслы, не имея союзных государств?

Слова Бо Лина вызвали лёгкую улыбку на губах Жун Тяня:

— Прошу четвёртого принца высказать всё, что на душе лежит.

— Из настоящих членов царствующего дома Фаньцзя лишь третья принцесса осталась в живых. Все чины, как и народ, уже давно надеются на возвращение истинной наследницы, которая вновь взойдёт на престол. Я утверждаю, что я и третья принцесса тайком сначала проберёмся в Фаньцзя и свяжемся с несколькими генералами, которые по-прежнему преданы царствующему дому Фаньцзя, и, дождавшись, когда Лун Тянь скоропостижно умрёт, третья принцесса внезапно появится в императорском дворце Фаньцзя. Кроме старых чиновников и охраны, я, Бо Лин, позабочусь, чтобы власть императорского рода Фаньцзя в ближайшие дни вновь вернулась к прежнему хозяину, — начал Бо Лин, и чем больше говорил, тем приятнее, воодушевлённое и увереннее звучали слова. — У нас хоть раньше с Силэй были нерадостные дни, однако это всё привело к сегодняшнему моменту. Я, Бо Лин, смею поклясться Небесами, что никогда не питал дурных намерений к императору Силэй и князю Мину. Более того, Фаньцзя и Ли, Пяожун, Яньтин, Юньинь и Цзаобэй - граничащие государства, если две стороны объединятся и станут друзьями, будут в гармонии, то в будущем, если придётся

отправиться в карательный поход на другую страну, императору Силэй стоит лишь написать, и Фаньцзя тотчас же соберёт войска и без задержки отправится в путь, подготовив провиант для многочисленной армии Силэй, что пойдёт в дальний поход. Совершенно не нужно будет переживать за то, что не сделали привал в пути, и, определённо, это завершит бой успешно. Пользуясь тяжёлой болезнью императора Ли Жо Яня, сначала одним махом сведём счёты с сильным врагом, другие более малые страны, по большей части, не выдержат и одного удара, тогда стоит ли печалиться, что большое дело не получится?

Четвёртый принц говорил с воодушевлением, описывая захватывающую и чудесную картину.

Третьей принцессе нравилось, когда Бо Лин непринуждённо и спокойно обсуждал военные дела, в красивых глазах проскальзывало восхищение, даже Мей Цзи вынужденно подумала: «Третья принцесса неплохо разбирается в людях, если бы этот человек взошёл на престол Боцзянь, разве не стал бы деятельным правителем? К сожалению, судьба не была к нему благосклонна, и его в этом нельзя винить».

Только на губах Жун Тяня играла загадочная и непонятная улыбка, как раз закончив есть плод и выпустив из рук косточку, император взял тёплое махровое полотенце, которое, держа двумя руками и поклонившись, подала служанка, и, вытирая руки, обернулся, бросая взгляд на сидящего рядом Ле-эра.

Ловкий и смыслённый Ле-эр разве мог не догадаться, когда настанет пора выйти на сцену, и, хохоча, неторопливо проговорил, повысив тон:

— Принц Бо Лин действительно питает великие устремления. Вот только Вы сейчас даже не в силах уберечь себя, а предаётесь пустым мечтаниям, разве не забавно? Наш государь отравлен, забыли об этом?

Ле-эр слегка фыркнул, и сидящие вокруг государя охранники показали свою злость, руки легли на рукояти мечей, и, округлив глаза, что сейчас напоминали серебряные колокольчики, мужчины уставились на Бо Лина.

Бо Лин не думал об этой проблеме, вот только с помощью такого характера, как у Жун Тяня, нельзя было не воспользоваться этим удобным случаем и получить Фаньцзя, увеличивая собственную и объединяющую всю Поднебесную мощь.

«Заполучив Фаньцзя, Жун Тянь меня с третьей принцессой ни за что не отпустит».

Бо Лин тоже являлся крайне смыслённым человеком и, слегка удивившись, посмотрел на мужчину; уже успокоившись, принц приятно улыбнулся:

— Наше Фаньцзя — маленькое государство, как посмеет оно равняться с таким могущественным государством, как Силэй? Не говоря уже о том, что я вместе с третьей принцессой в большом долгу перед императором Силэй. Смысл союза в том, что на самом деле

Силэй — основа на «расстеленном» Фаньцзя, а Фаньцзя как покрывало.

Третья принцесса продолжила:

— Нужно лишь мне взойти на престол Фаньцзя, как впредь мы станем равняться на зависимое государство и из года в год будем платить дань Силэй. А если Силэй развяжет с кем-то войну, то мы, лишь получив письмо, непременно отправим войска на помощь. — Если в будущем Фань Чжи действительно станет императрицей Фаньцзя, то её слова равносильны международному союзному договору.

— Не «равняться на зависимое государство», а именно что стать зависимым государством, — сказал Жун Тянь. — В мире царят непрерывные ссоры, народ лишился крова и мыкается по белу свету, стоит изучить причину, и сразу станет понятно, что из-за маленьких государств, которые действуют каждый по своему разумению, ссоры не прекращаются. Объединение является общей причиной, всё зависит только от того, чей кулак достаточно твёрд. Принц Бо Лин и третья принцесса всё же умные люди, не могут не понять самой сути. Фэн Мин как-то сказал одну крайне любопытную фразу: «Хорошая птица разборчива в деревьях» [6]. В этих словах есть огромный смысл, так ведь?

Бо Лин и третья принцесса обменялись взглядами, но ничего не сказали.

Ведь если они согласятся, то всё равно, что покорно преподнесут Фаньцзя во власть Силэй. Они вложили всю душу, добиваясь престола, или это всё пустой клочок бумаги [7]?

Жун Тянь, не обращая никакого внимания на их молчание, продолжил:

— Вот только этот император позволит вам следовать примеру Дунфань: пока будет жива третья принцесса, никто не посягнет на императорскую власть, напротив, этот император накажет непочтительных, осмелившихся вредить власти. Третья принцесса, что думаете?

Глаза мужчины горели воодушевлением, а сам император окинул её взглядом с ног до головы, словно изучая.

Бо Лин краем глаза заметил, что стража изменилась в лице, став суровее.

Главным сейчас было не «какое птица выберет дерево, где гнездиться», а не кивнуть, так как опасался не сохранить головы.

Быть тысячелетним правителем без головы или же сохранить голову, но вынужденно выбрать лишь одного правителя, — этот вопрос с несколькими вариантами ответов был крайне несложным.

Третья принцесса тоже прекрасно понимала: это скрытая угроза, однако не могла совладать с

Жун Тянем, который обладал верховной властью. Стоило лишь подмигнуть, и эта единственная наследница царствующего дома Фаньцзя тотчас же могла превратиться в несколько брызгов крови. Фань Чжи побледнела и, закусив нижнюю губу, наконец набралась храбрости и прошептала:

— Хорошо, мы последуем примеру Дунфань. Но у меня есть ещё несколько требований.

— Говорите.

— Во-первых, император Силэй в будущем обязательно хорошо позаботится о моём народе Фаньцзя.

На что Жун Тянь приветливо и прямо ответил:

— Это естественно, они также и мой народ.

— Во-вторых, все потомки моего царствующего дома Фаньцзя, хоть больше не будут правителями страны, но обязательно должны быть отнесены к силэйской знати, а также наши потомки тоже должны быть в списке государственного отбора чиновников и командования.

На это Жун Тянь, не колеблясь, кивнул со словами:

— Само собой разумеется, кровь правящего дома Фаньцзя почитаема, как можно отнести их к простолюдинам? К тому же, кроме прямого отношения к родственникам царствующего дома Силэй, они получают крайне высокий ранг знати. Этот император официально провозгласит об этом в указе, объявляя всему миру. Каждый, кто внесёт свою лепту моему царствующему дому Силэй, будет вознаграждён.

А так как Жун Тянь являлся императором Силэй и его слово имело огромный вес, множество людей не могло не поверить.

Услышав его крайне искреннее обещание и понимая, что ситуация не терпит отлагательств [8], третья принцесса невольно замешкалась, но всё же проронила: «Хорошо», после чего поднялась, подошла, опустилась на циновку напротив Жун Тяня и, приняв почтенный вид как на большой церемонии, с изящными манерами трижды поклонилась.

Сидящий прямо Жун Тянь спокойно принял её три поклона и, дождавшись, когда женщина откланится, встал и помог третьей принцессе подняться, придерживая её, более того, голос императора Силэй зазвучал по-другому, не то, что до этого, став дружелюбнее и искреннее:

— В будущем если кто-то решит причинить вред царствующему дому Фаньцзя, многочисленное войско Силэй, безусловно, немедля ринется в бой. Третьей принцессе не стоит волноваться.

Прекрасно понимая, что слова Жун Тяня — всего лишь банальная любезность, Фань Чжи вспомнила, как после смерти своего отца-императора Фаньцзя скиталась по всему миру и всегда подвергалась человеческому равнодушию, так что сейчас женщина была растрогана, тёплая волна благодарности внезапно поднялась из глубины души, обдавая глаза лёгким жаром, а сама принцесса тихо проронила: «Государь...», вот только на глазах у стольких людей нельзя было проливать слёз, поэтому она, тотчас же смахнув слезинки с лица, спросила Жун Тяня:

— Неизвестно, когда государь позволит нам вернуться в Фаньцзя?

На что император Силэй задал встречный вопрос:

— А когда принцесса планирует?

Бо Лин нетерпеливо ответил:

— Конечно же, чем скорее, тем лучше. Нам понадобится время, чтобы связаться с преданными принцессе старыми чиновниками и подготовиться.

— В таком случае принцесса немедленно может отправляться в путь. Да, дорога в Фаньцзя полна опасностей, а у третьей принцессы при себе ни войска... Давайте сделаем так: этот император пошлёт три тысячи отборных солдат, которые переоденутся и тайком отвезут третью принцессу на родину. Кроме того, у этого императора в Фаньцзя есть несколько друзей, подождите, этот император напишет несколько писем, и третья принцесса возьмёт конверты с собой. Если что-то случится, то принцесса всегда может, воспользовавшись ими, позвать моих друзей на помощь, как только они увидят почерк этого императора, то всеми силами сохранят принцессу, вот только...

Третья принцесса и Бо Лин, услышав об этом, обрадовались событию, однако, услышав, что Жун Тянь внезапно сменил тему разговора, почувствовали, как их сердца шумно застучали, пропустив удар.

— Государь, что «вот только»? — шёпотом спросила Мэй Цзи.

Жун Тянь сказал со смехом:

— Вот только Мяо Гуан сейчас как раз в Боцзянь продолжает тайно плести свои интриги, если она действительно станет императрицей Боцзянь, то мой Силэй будет в крайне невыгодном положении. Этот император хочет попросить принца Бо Лина немного задержаться здесь на несколько дней, чтобы объяснить дела Боцзянь.

Бо Лин и Фань Чжи изменились в лице.

Ведь если Бо Лин станет заложником в руках Жун Тяня, то третья принцесса никоим образом не посмеет поступать опрометчиво.

Этот козырь оказался уязвимым местом третьей принцессы.

Увидев их оцепенение, Жун Тянь с изумлением спросил:

— Как? Принц не согласен?

Фань Чжи нерешительно посмотрела на императора Силэй, а после с умоляющим видом обратилась к Мэй Цзи:

— Госпожа Мэй Цзи...

Красавица, конечно же, была рада услышать, что Жун Тянь хочет объединить всю Поднебесную, не говоря уже о том, что царствующему дому Фаньцзя ничто не угрожает, просто это гарантировало заинтересованность императора Силэй. Тут же обнажив привлекательную улыбку, женщина задала встречный вопрос:

— Предложение государя звучит превосходно. Что думает третья принцесса? — Даже она дала понять, что не сможет помочь, на что третья принцесса и Бо Лин тотчас же убедились — дело бесперспективное.

Стоит только открыть рот и ответить «нет», это всё равно, что ясно сказать Жун Тяню, что их слова о «дружбе» и «зависимом государстве» являются ложью с целью сбежать, бездумно согласившись.

Глядя на рассредоточенных по всей комнате охранников, которые сидели с безразличным видом, на самом деле можно было смутно почувствовать, что парочка является осаждённой мишенью, словно мясо на разделочной доске.

— Очень хорошо, — нарушил нависшее молчание Бо Лин, и спустя мгновение его лицо стало таким, как прежде, а сам принц охотно отозвался: — Помочь императору Силэй разобраться во всём — счастье для Бо Лина. Государь Силэй может не беспокоиться, Бо Лин непременно во всех подробностях и ясно расскажет о делах Боцзянь.

На что третья принцесса со скорбью проговорила:

— Принц...

Но Бо Лин сначала, не глядя на Фань Чжи, с улыбкой обратился к Жун Тяню, сложив руки в знак почтения:

— Разлука вот-вот наступит, поэтому третья принцесса неизбежно немного огорчилась. Позволит ли государь мне сказать по секрету несколько слов третьей принцессе?

— Разумеется.

— Третья принцесса, прошу, идёмте со мной. — Бо Лин, взяв Фань Чжи за руку, вышел из комнатки и отправился в боковую комнату.

Будучи прозорливым, Ле-эр, взяв с собой несколько стражников, окружил снаружи маленькое помещение, в котором уединились возлюбленные.

Войдя в маленькую комнату, Бо Лин запер дверь, затем повернулся и, посмотрев на Фань Чжи, со вздохом сказал:

— Вашему Высочеству не нужно показывать своего превосходства. Говоря об этом деле, то оно превзошло все мои ожидания.

— Но он хочет сделать принца заложником, я... как я могу...

— Как только принцесса тайком приедет в Фаньцзя и отнимет престол, тогда за мою жизнь можно будет не переживать. Если поступим так, тогда Жун Тянь успокоится и позволит третьей принцессе делать всё, что заблагорассудится, без подозрений.

Посмотрев на возлюбленного, Фань Чжи слегка улыбнулась, с любовью и тоской на сердце женщина, закусив нижнюю губу, проговорила:

— Но ты... как быть после?

— Для начала нужно пережить трудный момент, что встал перед нами, а уже потом думать об остальном. — И Бо Лин ласково добавил: — Посмотри, мы столько пережили трудных моментов. — Держа руки Фань Чжи, четвёртый принц любя сказал: — Такие красивые ручки пострадали от стольких мозолей. И всё из-за бесполезного Бо Лина. К счастью, есть надежда на престол, когда он станет твоим, больше не придётся терпеть обиды.

Эти слова должны были успокоить третью принцессу. Но, услышав их, она, наоборот, не сдержавшись, начала плакать.

Бо Лин тотчас же помог ей смахнуть слёзы с лица, Фань Чжи ещё какое-то время плакала в голос, а после, всхлипывая, проговорила:

— Твоя жизнь попала в чужие руки, даже если я стану императрицей Фаньцзя, то радости это не принесёт. Сейчас в теле Жун Тяня течёт яд, и говорить, что в душе он не винит тебя в этом,

я не могу, так как не верю в это. Если он умрёт от этого яда, то его люди наверняка убьют тебя, изливая свой гнев. И даже если ему удастся достать противоядие, а мне — отвоевать престол, но находится в разлуке с тобой разве не смерти подобно?

Фань Чжи говорила вполне ясно, а спокойного и холодного от природы Бо Лина сейчас тоже невольно и резко бросило в жар, и, сжимая её руки, принц ответил:

— Не бойся, я выживу, и со мной всё будет хорошо. Послушай меня, остаться рядом с императором Силэй — тоже, несомненно, огромный шанс.

На что третья принцесса с удивлением спросила:

— Какой ещё шанс?

— Мир скоро погрузится в хаос, и способных объединить всю Поднебесную людей поистине немного. Император Ли Жо Янь по силе равен Жун Тяню, жаль, что из-за произошедшего на берегу реки Оман он теперь почти мертвец. Вот, князь Мин кажется безрассудным глупцом, ворвался в Фаньцзя, был в Боцзянь, поднял шум в Ли, да ещё и крайне мудрого Лу Даня довёл до смерти. На мой взгляд, не исключена возможность, что Жун Тяню удастся с успехом свершить большое дело. — В глубине глаз четвёртого принца скакали мысли-искры; поджав губы, Бо Лин продолжил: — Если действительно это произойдёт, то находящиеся рядом с ним, кто знает, может, ещё сослужат хорошую службу.

Принцесса тотчас же поняла: если объединения Поднебесной не избежать, то сначала нужно сблизиться с основателем — мудрым государем, и тогда можно быть ещё увереннее, и в будущем за внесённый огромный вклад можно удостоиться императорского расположения и чина.

В этой эпохе титул знати передавался из поколения в поколение, распространяясь на потомков.

Третья принцесса хмуро спросила:

— Ты действительно смеешь утверждать, что он сможет с успехом совершить огромное дело по объединению Поднебесной?

— Я не утверждаю, только предположил, что подобное возможно. Я останусь рядом с Его Величеством и как раз смогу хорошенько понаблюдать. — Бо Лин обнажил светлые зубы и, слегка улыбаясь, сказал: — Если у него окажутся такие способности, я тотчас же стану служить ему верой и правдой. Но если он окажется всего лишь бумажным тигром [9], то тогда... — Бо Лин гордо поднял голову и продолжил: — Когда титул знати и императорская власть правящего дома Фаньцзя будут в твоих руках, я в Силэй отзовусь, сначала воспользовавшись его мощью, чтобы помочь завладеть престолом Боцзянь, и мы неторопливо начнём плести интриги.

Сидя в комнатке, Жун Тянь, Мэй Цзи и остальные съели несколько фруктов, ожидание затянулось на полчаса.

Заметив, что Мэй Цзи крайне опечалена, император Силэй решил вразумить её:

— Я отравлен и то не огорчаюсь так, как ты. К тому же госпожа Яое уже была здесь, я посмотрел на неё, и, вероятно, ей моя жизнь не нужна.

На что женщина, слегка вздохнув, сказала:

— Любой яд плохой, и, как назло, им оказалась «кровь возлюбленных», которая заставляет душу разрываться от боли [10]. К счастью, император Силэй мудр, кто-нибудь другой на Вашем месте, может быть, посчитал бы, что это я специально воспользовалась этим коварным ядом, заставив Ваше Величество и князя Мина разлучиться. Подумав об этом, Мэй Цзи готова умереть со стыда и вины.

Повздыхав ещё какое-то время, женщина только тогда упомянула о Фаньцзя:

— С делом третьей принцессы государь распорядился очень правильно. В молодости, когда я встречалась с третьей принцессой, тогда у неё ещё был титул знати [11], а для отца-императора Фаньцзя она являлась жемчужиной на ладони [12], в которой он души не чаял. Вот только, кто бы мог подумать, что после смерти императора Фаньцзя она начнёт скитаться? Её душа на самом деле хорошая, вот только полюбила Бо Лина и подверглась его дурному влиянию. Государю стоит внимательно следить за принцем Боцзянь, ведь это равносильно тому, что следить за Фань Чжи.

В комнатку вошли упомянутые возлюбленные, храня молчание.

Заметив алые глаза третьей принцессы, Мэй Цзи подумала, что последняя слишком много плакала, и, поднявшись с места, женщина поддержала принцессу, после чего села с ней плечом к плечу.

Жун Тянь спросил:

— Что решили?

Третья принцесса, посмотрев на Бо Лина, слегка кивнула и, не удержавшись, прошептала:

— Четвёртый принц остаётся здесь, прошу государя Силэй хорошенько позаботиться о нём.

Жун Тянь же, в свою очередь, с искренностью посмотрел на женщину:

— Третья принцесса может не волноваться, Жун Тянь клянётся Небесами, что не позволит принцу испытать даже малейшую обиду.

Заметив, что настало время действовать, Мэй Цзи подняла две пронизанные светом белые ручки, и в воздухе раздались два хлопка.

Внезапно стоящие за дверью служанки поднесли ей тонкий шёлк, кисть, тушь, кинжал и таз с чистой водой.

И на глазах у множества людей Фань Чжи и Жун Тянь, тут же дав обещание, кинжалом проткнули пальцы и скрепили обещание кровью.

В целом на это дело ушло около двух часов.

Увидев, что большое дело успешно завершено, император Силэй обрадовался и тотчас же приказал третьей принцессе готовиться к отъезду, а потом крайне тактично добавил:

— Перед тем как третья принцесса уедет, Бо Лин временно останется здесь у Мэй Цзи. — И вместе с Ле-эром молодой мужчина распрощался с красавицей Мэй Цзи, однако оставил одну группу охранников в комнате женщины, естественно, чтобы последние хорошенько проследили за Бо Лином.

Когда они покинули опочивальню Мэй Цзи, солнце уже слегка клонилось к западу, собираясь исчезнуть за горизонтом.

Жун Тянь вышел из дворника, сталкиваясь с ещё одним приближённым телохранителем — Мянью Я, который только что вместе с Жун Ху отправился сопровождать и защищать князя Мина.

Жун Тянь, остановившись, спросил:

— Ты не последовал за Фэн Мином? Почему один пришёл сюда?

Мянь Я ответил:

— Князь Мин отправился навестить господина Сяо, который как раз занимался искусством меча, поэтому сказал, что не хочет ни с кем видаться. Князь Мин не согласился возвращаться ни с чем и несколько раз просил слугу уведомить господина, сказав, что обязан с ним встретиться.

— В итоге?

Мянь Я продолжил:

— В итоге, произошло действительно странное: господин Сяо вдруг согласился встретиться с князем. Вот только господин Сяо сказал, что встреча с князем уже является исключением, и запретил посторонним входить. Жун Ху вместе с нами остался тихо ждать за дверью, как раз в этот момент Силэй прислал военную сводку, Жун Ху, получив её, не посмел мешкать и приказал мне тотчас же отнести государю. — Говоря об этом, телохранитель бережно, не скрывая печати, обеими руками подал конверт.

Жун Тянь, вскрыв письмо, пробежался взглядом и хмуро спросил:

— Как такое могло произойти?

Стоящий позади него Ле-эр, услышав слова государя, приблизился:

— Ваше Величество, что-то случилось?

И только мужчина хотел ответить, как издали донёсся хаотичный приближающийся звук шагов, и вскоре двое охранников, завернув за угол и запыхавшись, подбежали к императору.

Признав своих людей, Жун Тянь приглушённо спросил:

— В чём дело?

— Государь, беда! — тяжело дыша, охранники уставились на Жун Тяня и, даже позабыв правила приличия, громко доложили: — Этот господин Сяо, он... он ранил Жун Ху!

Ле-эр изменился в лице, более того, несмотря на стоящего впереди императора, быстро подошёл к охранникам и, крепко схватив одного из них за плечи, тряхнул несколько раз:

— Как такое могло произойти? Ранение серьёзное? Из-за чего Сяо Цзун ранил моего старшего брата?

— Мы сначала с Жун Ху все стояли за дверью, охраняли, и не знаю, как так вышло, но услышали в комнате крик князя Мина, Жун Ху первый сразу вломился туда. А когда мы все забежали, он уже весь в крови упал на пол...

Но не успел мужчина договорить, как один свирепый и высокий силуэт рванул вперёд, заставляя от испуга задохнуться. На этот раз настала очередь Жун Тяня схватить охранника и, глядя в глаза, спросить:

— Фэн Мин? Что он сделал с Фэн Мином?

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «желчный пузырь величиною с целый ковш», обр. в знач.: великое мужество, безмерная храбрость, безграничная доблесть.

[2] В оригинале фраза звучит как «душа разума улетела, а душа тела рассеялась», обр. в знач.: страшно перепугаться, от страха душа ушла в пятки.

[3] В оригинале фраза звучит как «настоящим ножом и настоящим копьём», обр. в знач.: по-настоящему, всерьёз, не притворяясь.

[4] В оригинале фраза звучит как «у злодея сердце дрожит от страха», русский аналог: на воре шапка горит; обр.: нечистая совесть покоя не даёт.

[5] Предостережение; урок, извлеченный из неудачи предшественника.

[6] Обр. в знач.: хороший человек разборчив в людях, которым служит.

[7] В оригинале фраза звучит как «полон лист пустых значков», обр.: оставаться на бумаге; пустая бумажка, пустые слова.

[8] В оригинале фраза звучит как «давит на брови и ресницы», обр. в знач.: не терпеть отлагательства.

[9] Полностью фраза звучит как «бумажный тигр снаружи сильный, внутри пустой», обр.: колосс на глиняных ногах.

[10] В оригинале фраза звучит как «печень и внутренности разрываются на мелкие кусочки», обр. в знач.: сердце кровью обливается, душа разрывается от горя.

[11] В оригинале Мэй Цзи называет принцессу титулом «хоу», что означает «наследственный титул знати второго из пяти высших классов».

[12] О горячо любимом ребёнке, особенно дочери.

<http://bllate.org/book/13377/1190176>